

Исповедь адмирала монгольского флота

Поговори со мной, каменная черепаха родины Чингисхана,
о Небесном Коране, что лежит у Подножия Престола Аллаха,
о ночных поездах – предвестниках человеческого праха,
о Сыне Божьем, попожем на воду ледниковых озёр.

Моя мама строит подводные лодки, мой папа – великий шофёр,
а наша деревня стоит дальше всех от самых высоких гор,
она крепче всех крепостей, потому что в ней бог – прокурор.

Поговори со мной, черепаха, переползающая Каракорум.
Я хотел быть на свете жрецом и поэтом, солдатом и вором,
перемётной сумой, деревянным забором,
гранитным осколком, частицей неба над водой ледниковых озёр.

Моя бабка до лучшего дня в серванте хранит дорогой фарфор.
Она в детстве хворала, ей шили саван из шёлковых барских штор.
Она рассказала, что видела Китеж и слышала ангельский хор.

Поговори со мной, черепаха – частица усопшего храма.
Где живут мама кедрового бубна, и мама там-тама,
И нежная мама крошки-гиппопотама,
и снежная мать, разродившаяся водой ледниковых озёр?

Над степным сухарём нависает закат-помидор.
Я ни жрец, ни поэт, ни солдат и, тем паче, ни вор.
Но стоят за спиной, отчего-то стоят
тени самых высоких гор.

* * *

Белое солнце садится в белую реку.
Кто нас придумал таких, похожих на травы?
Друг мой, я так боюсь майского снега
Над жёлтой крышей прихода Святого Саввы...

* * *

Я вижу сны, которых проще – нет:
Цветы, и птиц, и облако над домом,
И яблоню, и крышу, и тебя,
Мой самый дорогой и незнакомый.

И каждый день проходит, точно век,
Такой тяжёлый, медленный и странный,
Как три войны, два срока за побег
И пулемёты африканским странам.

* * *

Я ждала тебя, как из тысяч войн
жёны не ждали своих мужей.
И молчали псы, и домашний кот
на коленях спал и щадил мышей.
И погряз в пыли постоянный дом,
и травой порос залежалый свет.
Мне сказала ночь: ты придёшь потом,
когда сгинут сто отдышавших лет.

Застоялась рожь, захворал отец,
замело пути, почернел алтын,
скисли щи в печи, подавился крик,
в ангелочках твой засиделся сын.

Степь да степь кругом,
тишь да блажь в тиши,

караси в реке, скороход в пути.
Я ждала тебя, вот и ты теперь
подожди, родной, подожди.
Прогорит зима, отойдёт трава,
и ещё зима прогорит в печи.
Я ждала тебя, вот и ты теперь
не спеши, родной, помолчи.
Ты же знаешь сам, что таёжный зверь
не идёт на шум, не идёт на свет.
Пол-луны в окне – это мой вопрос,
пол-луны во мне – это твой ответ.
В четырёх углах только пыль да пыль,
несказанных слов невозможный рой.
И два метра – как два десятка миль.
Дождалась.
Боюсь
говорить
с тобой.

* * *

Там ветры пляшут повсюду,
И на ледяном ветру
Лошади, как верблюды,
Бредут в свою Бухару.

Сквозь глупость больших и серьёзных,
Сквозь остывающий лес
Ко мне козержки звёзды
Срываются с синих небес.

И каждый вечер тревожней,
И каждый костёр горячей,
И пахнет бараном рожа,
Уснувшая на плече.

Там у озёр холодных
Снятся цветные сны.
Мне прежде не нравились вроде
Трусы и болтуны.

Осталась на перекрёстке
Греться в руке рука.
Нежное в мире просто –
Как травы и облака.

Дорожная

(из цикла «Низкие звёзды»)

Если слишком много ветра, если слишком много солнца, и штормовка, словно парус, пузырится на ветру, и с вершины перевала тропы выются прямо в небо – твёрдо знаю, что я умер и что больше не умру.

Я устал от сложных песен, расколол цветную дудку. Только цвет травы сожжённой, только цвет сухого мха, да небесные медведи в облаках, набитых снегом, очень добрые медведи, недоступные пока.

Храбрый бурундук и хваткий сторожит мою палатку, очень хочет слопать гречку, слопать всё и слопать всех. И тайга стальным рассветом пришивать к душе заплатку станет холодно и больно. Mea culpa – «грешен». Всех...

Всех забыл, покинул, продал. Надо ж быть таким уродом... Бурундук сидит напротив, гречку лопает мою. Я сижу, роняю слёзы, жду осеннего мороза, жду, когда совсем замёрзну или гречку дожую.

Очень много смысла в гречке, если ты у горной речки и совсем один на сотню километров по тайге. И смешно тебе, и страшно, каша кажется бумажной, и кедровый сук напомним: «Кони ходят буквой “Ге”!»

Ходят кони в хороводе, кони где-то ходят, ходят. Ходят, ходят где-то кони, ходят кони стороной. Ходят люди, звери ходят, ходят кедры, травы ходят, все одеты по погоде, вокруг дома и домой. Только я один из дома, невесомый, незнакомый. Только бурундук и может поздороваться со мной.

Слышишь, мама, я бессмертен!

Верьте мне или не верьте...

Я бессмертней скал и кедров!

Только, что ни говори...

Мама смотрит на рябину, а на ней сидят и стынут так похожие на сына снегири...

Про муху

Поезд «Москва – Хабаровск». Муха в углу стекла.

Месяц лежит и едет – месяц как умерла.

Свет фонарей станционных яркое, как божий свет...

Муха лежит и едет, ей ни к чему билет.

И не волнует муху вечный, как мир, закон

Длительности остановок и санитарных зон,

И то, что всегда в одиннадцать гасят в вагоне свет,

Утром её не волнует очередь в туалет.

Муха лежит, качаясь, в мире до слёз большом –

Между стаканом чаю и портящимся беляшом.

Муха нетленна, едет – четыре рейса в пути,

От края до края света следом душа летит:

Ёлки, берёзки, ёлки, домики, ковыли...

Рай – это путь до рая, жажда края земли,

Где, говорят, даётся каждому свой ответ,

Где океан варенья, а мухобоек нет.

...Сахаром белые звёзды августа падают в чай.

Муха лежит и едет в вечное «не скучай».

Ёлки, берёзки, ёлки, окна вагона в пыли...

Ехать бы этой мухой вечно на край земли...

В тридцать лет очень страшно любить.

Лёжа на одном диване, мы двое –

маленькое кладбище брошенных кораблей.

Не говори мне о дальних странах, в которые нам уже не попасть.

Спрячь от меня своё сердце юнги, смешное и хрупкое,

я хочу позабыть его трепет,

и запах солёного ветра, и песни дельфинов...

Под гниющей обшивкой ещё стучит

мальчишеское сердце седеющего капитана.

Он никуда не ушёл, доживает на вечном причале.

Его ужин – объедки случайных историй,

чужих странствий, похожих на тёплых и очень хороших женщин,

которые утром уходят затем, чтобы больше к тебе не вернуться.

«Когда-нибудь», «может быть», «мы созвонимся потом» –

вечное послезавтра...

У капитана кот и бутылка рома.

Не говори мне о том, что из двух гнилых кораблей

получаются крепкие лодки.

Не так страшно стоять на вечном скрипучем причале,

как страшно,

ещё раз узнав трепет ветра и песни дельфинов,

опять возвратиться на вечный причал

слушать, как годы о палубу тихо стучат...

Твои поцелуи пахнут солёным ветром.

Рождественское

Домик с окнами на закат.

Домик с окнами на рассвет.

Где ты, мой долгожданный брат?

Где ты, мой негасимый свет?

Пахнет осень сухим листом,

И, под первый снег с головой,

Сумасшедшие строят дом,
Чтобы крышу крыть в рождество.

И дивится честной народ,
И стоит, озлоблен и нем,
Корабли, набирая ход,
По Оби плывут в Вифлеем.

И ложатся к снегам снега,
И ложатся листы к листве.
Домик с окнами на закат.
Домик с окнами на рассвет.